

Валерия Валетова

**Точка
излома**

18+

Валерия Валетова

Точка излома

«Автор»

2026

Валетова В.

Точка излома / В. Валетова — «Автор», 2026

Вулканолог Фабрицио Манчини знает: данные не лгут. Серия подземных толчков у берегов Липари — не случайность. Он едет на остров, чтобы проверить датчики, и говорит себе, что едет как ученый. В поездку с ним отправляется вся семья. В пятницу утром они садятся на катер. В субботу земля уходит из-под ног. Землетрясение запирает десять человек в средневековой крепости над морем. Дороги больше нет, связи нет. Вода уходит из средневековой цистерны. Среди людей, которых привел Фабрицио — его беременная жена, мать и дети. Он умеет считать литры и прогнозировать афтершоки, но не может объяснить, почему привез их сюда. Выжить — не самое трудное. Труднее остаться человеком, когда рушится мир.

© Валетова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валерия Валетова

Точка излома

Глава 1

От автора

Остров Липари и крепость на вершине скалы существуют. На этом клочке базальта жили финикийцы, греки, римляне, арабы, норманны, испанцы. Каждый народ строил свой город поверх старого. Эолийские острова лежат к северу от Сицилии над одним из самых сейсмически активных участков Средиземноморья. Все остальное — вымысел.

Топография крепости изменена в интересах сюжета. В реальности подземные помещения, цистерны и ходы, описанные в романе, не существуют. Геофизические сценарии Фабрицио — тоже авторская конструкция, она собрала самые негативные варианты научных прогнозов. Все персонажи — вымышленные люди, но их страх реален.

Среда, начало восьмого. Сейсмограмма в третий раз заполнила огромный экран. Ломаная линия графика казалась почти спокойной. Несколько коротких всплесков с 04:17, интервалы правильные, амплитуда небольшая. Фабрицио знал, это обычный фон. Выбивалась нижняя строчка: глубина не совпадала ни с одним привычным сценарием.

Он пересматривал ее в третий раз, увеличивал, уменьшал, сжимал и растягивал. Он не имел право ошибиться. Нет, глубина не та, вектор иной, и это не первая серия за последнюю неделю.

Он подошел к окну. Катания только просыпалась. Мимо пронесся мотороллер, за ним фургон с хлебом. Двое мужчин вошли в кафе на углу. Небо белесое, море тихое. Слишком тихое для утра. В стекле отражался худощавый, темноволосый мужчина с ранней сединой на висках. Анна говорила, что у него лицо человека, который всегда что-то подсчитывает.

Где-то там, за горизонтом, под водой лежал Марсили. Фабрицио знал о нем больше, чем хотел бы. Вулкан не спал, поэтому на сейсмограмме раз за разом повторялись всплески. Опасность росла, но никто не хотел этого замечать. Над водой тоже не было спокойно: Стромболи извергался ежедневно. Везувий пока молчал, но последнее извержение было слишком давно, чтобы расслабиться.

Фабрицио снова сравнил последний график с тремя другими за предыдущие сутки. Нет, ошибки быть не может.

Зажужжал и скользнул к краю стола мобильный. Он подхватил его, повернул экраном вверх. Анна написала: «Когда едем, ты не забыл про пятницу?». Он помнил и не ответил, просто положил телефон на стол и вернулся к сейсмограмме.

— Манчини.

Как всегда, без приглашения в дверях появился Сильвио — лет на десять старше, широкоплечий, неторопливый, с кружками в обеих руках. Фабрицио кивнул.

— Опять Марсили?

— Ночная серия. Посмотри на глубину.

Он передвигал курсор вдоль пиков, сравнил интервалы. Сильвио оперся о стол, наклонился и после долгого молчания протянул:

— Семь с половиной.

Фабрицио упрямо мотнул головой:

— Семь и четыре.

За окном кто-то затормозил, взвизгнули шины.

— Это не аргумент, — возразил Сильвио.

— Пока не аргумент.

Сильвио сел рядом, подвинул чашку с кофе Фабрицио, медленно сделал глоток. Он умел видеть то же самое, что его друг и начальник, и не делать поспешных выводов.

— Едешь на Липари в пятницу, — скорее сообщил, чем спросил Сильвио.

— Да.

— С семьей.

— Да.

В коридорах хлопали двери, разговаривали люди. Начинался рабочий день.

— Запрос на дополнительную обработку отправил?

— Утром, — Фабрицио убрал распечатку. — Ответ через месяц, если повезет.

Они оба знали, что это значит.

— Фабрицио, ты едешь как ученый или как сын?

— Как и то, и другое, — сказал он. — Иначе зачем.

Сильвио вышел, и Фабрицио открыл почту. Из Неаполя пришел отчет по активности Флегрейских полей. Он надолго задумался о брадисейсмах в Поццуоли, мысленно дополнил список рабочих запросов на сегодня. Вулканическая активность усиливалась и по Кампанской дуге, и по Эолийской. Собственно, если бы не это, он бы не поехал на Липари.

Фабрицио взял телефон, ответил Анне: «Помню. Пятница. Едем». Она в последние дни была какая-то странная.

На экране выстроились новые графики, и он вернулся мыслями к Поццуоли. Его беспокоило и то, что за последние годы его поверхность поднялась едва ли не на два метра, и то, как повышался темп колебаний. Фабрицио дополнил выведенные на экран кривые Марсили данными с Везувия и Стромболи, переключился на карту Липари.

Семь датчиков стояли по периметру острова, этого было недостаточно. Если серия начнется у восточного берега, они получают данные с опозданием на двенадцать или пятнадцать минут. Он поставил еще три точки за Кватропани, у мыса Греко и выше Каннето, дописал список задач в блокноте, подчеркнул.

Липари. Остров для него никогда не был просто местом, скорее он смотрел на него как на координаты. Сегодня что-то изменилось. Фабрицио вспомнил запах водорослей с примесью серы из фумарол. В детстве он думал, так пахнет Тирренское море. Ему лет шесть, семь, он входит с улицы и видит мать у плиты. Рыба шипит на сковороде. Этот запах встречает его раньше, чем закрывается дверь. Мама. Мамочка.

С чего вдруг он вспомнил это слово? Он никогда так не называл Лючию. Наверное, устал, если в голову лезут дурацкие мысли. Как-то оно плохо вяжется с матерью: она помогала, но не сочувствовала, не согревала. Да, она приходила, приезжала, разбиралась, давала точные и краткие инструкции, что делать. Фабрицио не помнил, когда она его обнимала. Или говорила нежные слова. Нет, вспоминался лишь ровный, сухой голос, ловкие руки чинят и готовят. И запах рыбы с водорослями и горячим базальтом. Это был дом.

И ее дурацкий музей. Она засела на Липари и наотрез отказывалась перебраться в Катанию. Стояла пустая квартира, дети ждали бабушку, Анна ждала. А для Лючии важнее каменный замок, где умер отец. Где она, по всей видимости, и собирается умереть. Это он тоже знал, просто никогда не говорил вслух.

Фабрицио помнил тот звонок. Поздний вечер. Он сидит за этим же столом. Телефон вибрирует, и на экране высвечивается «мама». Он почему-то уже знал. Голос у нее был ровный, может, чуть более жесткий. Нашли в крипте. Сердце. Все. Три слова, пауза, отбой. Он присидел с трубкой в руке еще минут десять. Ждал, когда она перезвонит. Она не перезвонила.

Мать не плакала ни тогда, ни на похоронах. По крайней мере, он не видел. Она стояла у гроба прямо, смотрела куда-то мимо всех. Он не знал, злиться на нее или восхищаться. И не решил до сих пор.

Он вспомнил еще один вечер. Ему было лет двенадцать. Отец сидел за столом, что-то читал и делал пометки карандашом. Мать то ли готовила, то ли убиралась на кухне. Они не разговаривали. Нет, они не поссорились, просто они вообще почти не говорили дома. Роберто листал страницы, скрипел грифелем, Лючия гремела посудой. Наверное, так работает семейный отлаженный механизм, представлялось ему в те годы. Или когда люди долго живут вместе.

В тот раз отец поднял голову и сказал в воздух «Вот и трепещет земля...» Мать промолчала. Фабрицио не сразу понял, что это Овидий. Но запомнил именно это: тихий вечер, отец говорит в пустоту, мать не отвечает, и оба совершенно спокойны.

Да, так и устроен брак: два человека рядом, каждый в своих делах, и это нормально. Анна его переучила. Она спрашивала, ждала ответа, злилась, когда он уходил в себя. Поначалу это его раздражало, пока он не понял: она просто хочет, чтобы он был рядом не физически, а как-то иначе. Правда, он до сих пор не всегда понимал как.

Отец оставил после себя дневники. Все эти годы они лежали в коробке у Лючии. Она сказала об этом как-то раз после похорон. Фабрицио этих записей не читал, а мать не предлагала. Так они и хранились где-то в ее кабинете.

Пропищал сигнал: пришли долгожданные записи монохромного инфразвука. Он потянулся к мыши.

— Фабрицио.

Он вздрогнул. В дверях стоял Сильвио.

— Который час?

— Половина второго. Наши уже там.

У Фабрицио завибрировал мобильник. Он поднял палец, мол, подожди, и ответил:

— Слушаю. Да. На почту. Хотелось бы побыстрее.

Сильвио вопросительно поднял брови.

— Русский коллега. Обещал данные по Шивелучу, — пояснил Фабрицио, вставая. — На Камчатке сейчас поздний вечер. Русские, если им надо, вообще не едят и не спят.

— А мы пойдем, — сказал Сильвио.

В кафе было шумно. Коллеги обсуждали чемпионат Европы и перспективы итальянской сборной. Сильвио пошутил о новых данных с Этны, все засмеялись, разговор вернулся к футболу.

Кто-то спросил про детей: «Лука с Кьярой едут с вами?» Фабрицио кивнул. «А у них уже кто-то есть?» — поинтересовался тот же голос. Фабрицио поднял глаза. Все смотрели на него с добродушным любопытством, у многих были дети-подростки. Он ответил: «Не знаю, наверное». И это было правдой. Кто-то другой вспомнил, что у него самого сын в том же возрасте, и разговор на минуту съехал к школам и экзаменам.

— А как там у Луки с имплантом? — спросил один из молодых геофизиков, тот самый, что каждое утро приезжал на работу на велосипеде. — Нормально переносит дорогу?

— Нормально, — отозвался Фабрицио. — Он давно лучше нас всех слышит, просто делает вид, что нет.

Как-то Анна спокойно сказала: «Только попробуй сделать из них второе поколение в INGV». И он машинально пообещал, что не сделает. Неприятно ощущать, что он снова втягивал семью в орбиту рабочих графиков.

Фабрицио отвечал коротко и вовремя — да, нет, посмотрим, и при этом видел перед собой карту: восточный берег Липари, пустой сектор без датчиков, двенадцать минут опоздания.

Официант принес пасту. Фабрицио что-то механически клал в рот, не различая вкуса, и оставил большую часть. Сильвио покосился на его тарелку и промолчал. Он давно научился не комментировать то, как Фабрицио есть или пьет.

— Анна едет? — спросил кто-то через стол.

— Да.

— Как она?

— Хорошо, — сказал Фабрицио и только после паузы понял, что не знает, правда ли это.

Он смеялся вместе с остальными и думал о Флегрейских полях. Потом об Анне.

Она вела себя необычно с неделю: пила воду вместо кофе, почти не смеялась. Бледная, уставшая. Внезапно он поймал себя на том, что уже несколько раз собирался спросить, но как-то забывал. Он вспомнил, как утром она стояла у окна, спина напряженная, ровная. Она держала кружку двумя руками и смотрела куда-то мимо улицы. Можно было подойти, но он выпил кофе и вышел. Вечером спросит, когда вернется.

Он вспомнил их первые годы. Она часто спрашивала его: «О чем думаешь, моя любовь?» Поначалу он отвечал честно: «О тебе и вулканах». Она усмехалась: «Судя по всему, вулканы побеждают». Он отшучивался: «Но женился-то я на тебе, Печенька».

Вулканы не побеждали. Просто были всегда рядом. Как она.

Так мысли и скакали весь обед: Флегрейские поля — Анна — Марсили — Анна.

Когда возвращались, Сильвио придержал дверь и негромко сказал, чтобы слышал только Фабрицио:

— Ты давно так не выглядел.

— Как?

— Ну, как человек, что принял решение, но еще себе в этом не признался.

Фабрицио промолчал. Так в полной тишине они и поднялись на свой этаж. В коридоре он остановился у доски с расписанием дежурств. Сделал вид, что читает, а сам размышлял.

Сильвио прав: он принял решение раньше, чем сформулировал его для группы. До запроса в Рим. Может, в тот момент, когда впервые увидел цифры предыдущей ночной серии и понял, что они не укладываются ни в одну привычную модель. Да, он собирался на Липари, но не думал, что поэтому. Но что-то уже знало за него.

Он прошел в кабинет, сел, открыл в блокноте утренние записим. «04:17. Глубина 7,4. Вектор нестандартный. Не первая серия». И больше ничего. Несколько строчек в начале восьмого, когда Катания просыпалась. Сейчас почти четыре часа дня. Когда он успел себя убедить, что едет проверять датчики и ставить новые? Что едет как ученый? Что у него есть список задач и методология. Все это было правдой. Но еще это было способом не думать постоянно об этих цифрах. Он закрыл блокнот, придвинул клавиатуру.

На рабочем столе компьютера мерцала иконка «Новое сообщение». Фабрицио нетерпеливо просматривал графики камчатского стратовулкана. Кривые перед последним извержением Шивелуча сильно отличались от итальянских данных, но кое-что общее все же было. Возможно, мысль ложная, но если нет...

Он открыл график активности Шивелуча слева, Марсили справа. Камчатский стратовулкан и подводный хребет в Тирренском море сравнивать, строго говоря, некорректно. Разные породы, глубина, геологическая история. Он это знал. И все равно смотрел.

Последнее крупное извержение Шивелуча зафиксировали в марте позапрошлого года. В записях камчатского коллеги кривая показывала серию микротолчков с аномальной глубиной. Ожидали двенадцать-пятнадцать километров по модели вместо зарегистрированных семи с небольшим. Не катастрофа, но все же... Интервал между толчками сокращался постепенно, почти незаметно. Если смотреть на каждый день отдельно, этого можно и не заметить. Но если вывести события за две или три недели, картина резко менялась. Перед глазами выстраивалась неприятная тенденция.

Фабрицио провел курсором вдоль кривой Марсили за последний месяц. Три недели назад — интервал такой, две недели назад чуть короче, этой ночью еще короче. Он пока не считал, не рисовал на экране, просто держал в голове. Продолжительность интервалов между вспышками была все меньше.

Это еще не аргумент, как он сам сказал Сильвио утром. Две разные системы, два разных региона, совпадение по одному параметру — это статистический шум, не закономерность. Чтобы говорить о закономерности, нужно больше данных, нужна верификация, нужен второй источник.

Он записал в блокнот: «Сравнить с Этной за тот же период. Запросить у Неаполя полный архив за два месяца. Проверить интервалы вручную». Ручка зависла над последней фразой. Потом он решительно подчеркнул. Да, проверять нужно вручную, машине нельзя доверить такое дело, как шум.

Если он прав, а он допускал, что ошибается, то тенденция началась намного раньше. И если Этна за тот же период показывает похожую динамику, это уже не один источник, но система.

Он закрыл блокнот. Взял телефон, набрал короткое сообщение коллеге в Неаполь: «Нужен полный архив по Кампанской дуге за последние три недели, срочно». Отправил. Положил телефон экраном вниз.

Он не заметил, как пролетело время.

— Помочь? — заглянул Сильвио.

— У тебя что-то свежее с юга есть? Не хватает данных Кампанской дуги.

— Только результаты двухдневной давности. Жаль, сегодняшних нет. Было два толчка в районе Липари.

— Когда по времени?

— В 13:17 и 15:38.

— Пятнадцать... тридцать... восемь... И мы не знаем, как Этна реагирует на... — Фабрицио нахмурился и замолчал. Что-то не сходилось. В мыслях цифры и графики совсем вытеснили Анну.

— Я звонил ребятам в Неаполь. У них вроде бы неожиданностей не было. Точные цифры пришлют, когда обработают. Думаю, к концу дня или завтра, — откликнулся Сильвио.

— «Вот и трепещет земля, и сам повелитель безмолвных В страхе, не вскрылась бы вдруг, не дала бы зияния суша».

— Что?

— Овидий. «Метаморфозы». Отец читал вместо сказок, — Фабрицио листал доклад из папки Сильвио.

— И там есть про Этну?

— Да. Одиннадцать раз встречается. Специально сосчитал, — Фабрицио взмахнул рукой, — «Голову Этна гнетет. Тифей, протянувшись под нею, Ртом извергает песок и огонь изрыгает, беснуясь. Тщетно старается он то бремя свалить земляное, Силой своей раскидать города и огромные горы...».

И вернулся к таблицам.

— Ничего себе, Фабрицио! До сих пор помнишь! А ты почему не стал археологом?

Фабрицио усмехнулся:

— Хватило родителей. А «Метаморфозы» я детям тоже читал. Так, возвращаемся к прогнозу по Флегрейским полям и строим похожий для Липарской дуги. Включи в расчеты активность Марсили. Есть последние прогнозы? Сколько может пострадать?

— Если смотреть непосредственно на район островов, то тысяч пятнадцать, максимум двадцать. Но это только те, кто живет на них постоянно.

— Прибавь еще полмиллиона туристов за лето, — Фабрицио яростно ткнул в карту пальцем. — Пересчитай по максимуму для северного и восточного побережья Сицилии — Мессины, Таормины, Катании, всей зоны вокруг Этны. Глубину возможного пути волны. По максимуму!

— Мы уже прикидывали. Если учитывать оба побережья... Получается минимум около трех миллионов человек. Это вместе с Палермо плюс восточная Сицилия. Плюс-минус триста тысяч. Так, сейчас я свою папку принесу, — Сильвио почти выбежал из кабинета.

— Три... миллиона... три, — по перенятой у отца привычке «молодой Манчини», как его называли на Липари, не стеснялся в выражениях и перемежал цифры крепкими словечками.

Сильвио вернулся с новой стопкой бумаг. За ним в дверь протиснулись еще двое сотрудников помоложе:

— Синьор профессор, разрешите присоединиться?

Почему не привлечь к проблеме Липарской дуги, которая грозит разрастись до вселенского масштаба, и других сотрудников?

— Прошу, — Фабрицио приглашающим жестом указал на большой стол и дождался, когда все расселись. — Синьор Сильвио, так что у нас с прогнозом эвакуации по Липарской дуге?

— Есть расчет годичной давности. На восточном побережье: Катания — около миллиона двухсот тысяч, Мессина — около шестисот тысяч. Северное побережье: Палермо — около одного миллиона двухсот тысяч. Плюс Липарские острова — пятнадцать тысяч постоянных жителей и до шестисот тысяч туристов.

— Итого около трех миллионов двухсот тысяч человек в зоне риска. И это если предположить, что не включится вся дуга одновременно — Вулькано, Стромболи, Этна. И выбросы пойдут в сторону побережья, — продолжил Фабрицио.

— Невозможно! Нереально! Такого никогда не было! — мужчины переглядывались, перебивали друг друга, Сильвио успокаивающе выставил руки ладонями вперед.

— Ну да, конечно! Тогда уж и Марсили не забудем! Ну и что там по выбросам? Хотя бы по Вулькано и Стромболи, раз уж нет всей картины, — Фабрицио потер шею и, опираясь о кулаки, склонился над графиками на столе.

Его губы сжались в тонкую линию, серые глаза прищурились и резко посветлели. Анна считала, что в такие моменты он похож на опасного хищника.

Сильвио подумал: «Мадонна миа! Это сумасшедший, фанатик. Как его жена с ним живет?».

— И мы отправили все это в Рим? — спросил кто-то из молодых коллег.

— Отправили, — кивнул Фабрицио. — Два месяца назад. И в прошлом году. И за два года до этого.

— И что? — второй поднял голову. — Что сказали в столице?

— Ничего, — ответил Сильвио. — Уверен, наши отчеты лежат все в той же папке в одном из архивов.

Фабрицио встал, прошелся к окну, вернулся:

— Рим смотрит на другие цифры. Им важны туристы. А вулканы никуда не денутся.

— Может, они просто не верят в такой сценарий? — робко предположил кто-то. — Синхронное извержение — это же...

— Нереально? — перебил Фабрицио. — Да. Нереально. Как Помпеи. Как Кракатау. Как Санторини.

Сильвио поднял руку:

— Месяц назад пришел ответ. Как всегда: «Спасибо за информацию. Материалы будут изучены в плановом порядке».

— Три миллиона человек в зоне риска. И они — в плановом порядке. Через квартал. Через год.

Молодые сотрудники переглянулись.

— Может, стоит попробовать через СМИ? — предложил один из них. — Или через международные организации?

Фабрицио медленно повернулся к нему:

— Через СМИ? Ты когда-нибудь видел, чтобы ученый выступил против собственного министерства и сохранил работу?

Все замолчали.

— Ты кричишь, тебя увольняют. Приходит другой. Тихий.

— Но люди должны знать! — горячо возразил коллега.

— Должны, — сказал Фабрицио и склонился над графиками. — Нам остается только считать. И ждать. И писать отчеты, которые никто не читает.

— До тех пор, пока не будет слишком поздно, — тихо добавил Сильвио.

— Да. Когда слушать будет некому, — согласился Фабрицио.

Он поднялся из-за стола и прошелся по комнате.

— Официально я с завтрашнего дня в отпуске. Мы сделаем вот что. Сильвио, твоя группа здесь, в Катании, продолжает сводить все в единую базу. Без пропусков.

Сильвио кивнул. Он знал, что предстоят бессонные ночи, проверки и перепроверки каждой цифры.

— А я, — продолжил Фабрицио, — еду на Липари. К матери. У детей каникулы.

Сильвио кивнул, остальные промолчали.

— Поставлю новые датчики, перепроверю данные прямо там, на месте. Может, датчики дают сбой. Может, что-то упустили. Проверю сам.

— Когда уезжаете? — спросил кто-то из коллег.

— В пятницу утром. На катере до Липари. Мать уже знает, — он задумался и заговорил как бы только для себя. — Ветер со Стромболи. Если что-то начнется, волны пойдут прямо на город.

Наступило недолгое молчание, которое прервал Фабрицио:

— Сильвио, когда соберете всю базу, отправишь мне. Видеоконференции с отчетами ежедневно. Мы должны понимать всю картину.

— А если Рим спросит, где ты? — решил уточнить Сильвио.

Фабрицио улыбнулся:

— А они знают. Профсоюз уведомил руководство, что я третий год без отпуска. Так что формально я отдыхаю. С семьей.

Он собрал несколько папок со стола и направился к двери.

— Все, встреча закончена. Работайте. У нас осталось совсем мало времени.

Он закрыл за собой дверь и пошел по коридору. Привычно придерживая рукой папки под мышкой, он быстро шагал к лифту, рассеянно кивал знакомым. Как всегда. В лифте он не сразу нажал кнопку, долго смотрел на цифры и думал о трех последовательных пиках активности. Давно болела шея, но он упорно не обращал на это внимание. Почему-то хотелось есть. И он вспомнил, что толком не ел за обедом.

В голове он привычно продолжал проверять себя. Запрос отправил утром. Раз. Группа получила задание, Сильвио знает, что им делать. Два. Дополнительные датчика на Липари — за Кватропани, у мыса Греко, выше Каннето. Мальчишкой, он бывал там с отцом. На пустынном пляже Роберто прикладывал ладонь к скалам и спрашивал: «Слышишь?». До сегодняшнего дня камень оставался немым для Фабрицио. Он услышал его только теперь. Так, данные пойдут в единую базу. Три. Видеоконференция каждый день. Четыре. Список закрыт. Он пла-

нировал, привычно переводя тревогу в задачи. Это было единственное, как унять эту внутреннюю дрожь.

Перед панорамным окном на лестничной площадке он остановился. За окном шумела разогретая солнцем Катания: гудели машины, смеялись люди. Голубь с карниза смотрел в сторону моря. На детской площадке в сквере смеялись дети. Три миллиона двести тысяч человек не подозревали об угрозе. Два часа назад это была цифра, теперь она превратилась в людей и дома.

Он подумал об Анне, детях. О том, как послезавтра утром они сядут на катер и поедут на Липари. Именно туда. Он сам их везет.

Мог бы не делать этого. Сказать Анне что-нибудь простое: в другой раз, мать придет в Катанию через неделю, найдем другой вариант, отдохни. Анна не стала бы спорить.

Она не любила Липари. Каждый раз Анна говорила, что там ей снятся плохие сны. Наверное, ей не нравился запах серы от фумарол. Или непривычные для городского человека звуки. Он не спрашивал.

Но он едет. Потому что данные нужно проверять на месте. Потому что датчики нужно поставить. Потому что нельзя доверять дистанционным показаниям, когда что-то не сходится. Он едет как ученый. Сильвио спросил, он ответил. Честно. И то, и другое. Иначе зачем.

Голубь снялся с карниза, улетел в сторону моря.

Фабрицио подхватил папки поудобнее и вернулся в кабинет. В графиках Шивелуча было что-то, что он еще не учел. Пока он работал, три миллиона оставались цифрой. Это он тоже умел.

За окном быстро темнело. От голубоватого света монитора болели и слезились глаза. Где-то хлопнула дверь. Наверное, это Сильвио уходил домой. Фабрицио не двинулся. На экране светилась все та же кривая Марсили. Надо будет завтра купить что-нибудь детям в дорогу. Анна любит, когда он помнит о таких вещах.

Глава 2

Она не слышала будильник. Анна поняла это по ярким щелям в жалюзи. Половина седьмого, она снова проспала. Последние недели что-то внутри решало за нее, когда вставать. Она резко открывала глаза, словно внутри кто-то приказывал: хватит. И начинался очередной день.

Вязкая тошнота накатывала неумолимо. Раз, два, три, четыре. Вдох через нос. Задерживать воздух. Раз, два, три, четыре, выдох через рот. Не спешить. Медленнее. Не шевелиться. Если быстро сесть... Вдох через нос... Завтра они уезжают на остров... Раз, два... Вместе... Три, четыре... Сейчас будет легче. Нужно немного потерпеть. Всего несколько недель. Зря она отказалась от таблеток. Или нет... Она сглотнула отдающую металлом слюну.

Рука снова оказалась на животе. Анна не помнила, когда положила ее туда. Так спокойнее. Она прислушалась, попыталась понять, все ли в порядке. В животе слегка тянуло. Она крепче прижала ладонь. Сердце успокаивалось. Тошнота уходила медленнее. Еще пара минут, и она станет терпимой. Тогда можно встать.

Проскрежетала роллета на соседнем баре. Звонко простучали каблучки, и Пиппо поздоровался с кем-то. Слов не разобрать, но голос веселый. Один раз глухо ударило с Сант-Агаты, звук быстро затих. Где-то ссорились воробьи. С соседней улицы доносился треск скутеров. Вчера вечером пахло серой. Сегодня воздух чист.

Когда отпустило, Анна повернула голову. Фабри уже не было. Уходя, он аккуратно застелил свою половину постели. Она даже не слышала, когда он встал. Анна провела рукой по сложенному одеялу: идеально ровно, как в гостинице. Наверное, ушел затемно, как все последние дни. И придет почти ночью, когда она уже будет лежать в постели.

Она свесила ноги с кровати, немного посидела, наконец поднялась. Ванная встретила легким запахом лосьона после бритья. Замутило сильнее. В этот раз сдержаться не удалось. Нет, в аптеке все же придется купить лекарство, которое выписал врач. И витамины. Мысленно Анна сделала пометку в списке дел.

На кухне ее ждали чистый стол, вымытая чашка и стикер с сердечком на коробке с миндальным печеньем. Его любимое. Не съел. Она спрятала бумажку в карман, машинально потерла от несуществующих крошек стол. Потом молола кофе, смотрела на закрытый ноутбук и аккуратно сложенную зарядку. Что у него происходит на работе, если в пять утра он не может оторваться от дурацких графиков? Он каждое утро проводил с ними больше времени, чем с ней.

Она вставила полный рожок в паз и ждала, пока кофемашина согреется. В никелированном корпусе отражались кухня и дверной проем за спиной. В ванной она заметила, что темных пятен на лице стало больше. Расползаются от скул к вискам. Расстроилась. Темные волосы прилипли к шее. Уже влажные, хотя она еще не умывалась. Фабри говорил, что влюбился в ее глаза и россыпь веснушек, которую она сама терпеть не могла. Она тряхнула головой, на лоб упала длинная прядь. Привычно заправила ее за ухо и нажала кнопку.

Кофеварка зашипела, две темных струи ударили в белый фарфор. Анна поморщилась: тянуло тухлятиной. Как вчера. Как позавчера. Раньше запах кофе поднимал ее лучше будильника. Теперь нет. Она выплеснула густую жижу в раковину. Кофеварку они выбирали вместе, три года назад, в магазине на виа Этнеа. Фабри долго читал характеристики. Она сказала: берем эту, красивая. Он согласился.

Вместо ежеутреннего эспрессо она налила стакан воды, медленно выпила половину, приложила холодное стекло ко лбу. Сделала еще глоток и долго держала его во рту. На мгновение отпустило.

Она выглянула в окно. Воробьи дрались за корку хлеба у бара напротив. Пиппо выкатил пластиковый стул, ножки резко скрипнули о тротуар. Он что-то крикнул внутрь бара, но никто

не ответил. На капоте припаркованной машины кто-то пристроил пакет с мусором. Через полчаса здесь будет солнце, и вонь поднимется к окнам. Ветер стих. Всего лишь семь, но жара заполнила улицу. Воздух густой, неподвижный.

Анна почувствовала, как рубашка прилипает к спине. Июнь только начался, а уже так. До сентября. Она сделала еще глоток. Анна похудела за последние недели, тошнота брала свое. Живот уже чуть округлился, и старая рубашка сидела иначе, чем месяц назад. Она одернула ее и отвернулась от окна.

Мог бы разбудить. Сказать: уйду. Ничего больше. Она бы не обиделась. Или обиделась бы. Но по-другому. Хотя все равно не уснула бы. Слишком светло, слишком жарко, слишком много дел в голове. Какой смысл. Она не знала, чего хотела. Наверное, просто чтобы он спросил себя: разбудить или нет? И решил. Пустой стакан звякнул о дно раковины. Пора поднимать детей.

Завтра катер, волны. Нужны капсулы, которые назначил врач. И пластырь тоже. На всякий случай. Еще магний, витамины. И не забыть йод. Крем от пигментных пятен, пока они не расплзлись по всему лицу.

Две недели назад она сходила провериться. Десять недель. Скоро будет заметно, а она так и не сумела сказать Фабри.

В двенадцать забрать Луку от сурдолога. Собрать и проверить чемоданы.

Кьяра вечером бросила вскользь: «У меня наушники не заряжаются». И ушла к себе. Два часа на катере, Кьяра без наушников смотрит в никуда с таким лицом, что хочется прыгнуть за борт. Или болтает про Нино и зачем каждое лето ездить на Липари. Зайти в магазин по дороге к врачу. Взять недорогие, любые. Лишь бы работали.

За дверью Кьяра напевала, у Луки было тихо. Десять минут. Пусть поспит еще десять минут.

Она раскрыла шкаф и осмотрела вещи Фабри. Он просил взять легкие рубашки. Анна коснулась рукавов и выбрала три льняные, светлые. Руки работали сами по себе, пока она прикидывала, одну или две рабочих рубашки уложить с собой. Он не говорил, но она научилась складывать его вещи раньше, чем он стал об этом просить.

На кухне остался ноутбук. Он его возьмет с собой. Она знала это так же хорошо, как и то, что он наденет от силы одну из светлых рубашек. Отпуск у матери означал лишь одно: Фабри будет работать у окна с видом на море, а не на город. Она положила сверху последнюю рубашку, остановилась.

Третий раз. Ей было двадцать, когда родились близнецы. На две недели раньше срока. Неожиданно. Фабри приехал, когда все закончилось. Совещание. Пробки на виа Этнеа. Разумное объяснение. Она его приняла.

Маленький и слабый Лука, казалось, не выживет. Девочка кричала басом, требовала есть. Тяжелый запах антисептиков, мертвенный свет ламп. Чужие дети за стеной постоянно плакали. Она не могла заснуть, часто вскакивала и подбегала к кроваткам, проверяла, дышат ли. Оба причмокивали во сне.

Дома Фабри отвернулся к окну и сказал: «Завтра уезжаю в Рим. Не могу остаться». И замолчал. Он уже был не с ними. Что он видел за стеклом? Вулканы. Ее муж не умел по-другому. Он думал о радарах, деформациях и выбросах, пока она кормила и мыла детей. Почти всегда одна. Если бы не Лючия...

Мама сказала: «Это твоя семья, твоя ответственность». И была права. Просто Анна еще не знала, что ответственность можно нести по-разному.

Когда переставала кричать Кьяра, начинал плакать Лука. Анна измучилась. Мать охала и уходила. На третий день приехала Лючия. Сама. Наверное, Фабри позвонил ей по дороге. Она вошла, поставила сумку у двери и взяла Анну за руку. Не спросила «как ты», не сказала «все

хорошо». Нет, держала за руку и молча разглядывала двух младенцев. А потом взяла Луку на руки и приложила к груди Анны так, как той было удобно, а не как «мама сказала».

Целый месяц молча Лючия мыла дом, стирала белье и раскладывала его в шкафы, готовила еду и всегда была рядом. Ночью она оставалась с младенцами. Когда Анна плакала от усталости, Лючия садилась рядом и спокойно говорила: «Спать. Пять часов подряд».

Фабри вернулся через две недели. Дома чисто. Дети спали. С кухни вкусно пахло. Лючия вышла из детской, молча кивнула и поманила его к пеленальному столику. Она взяла его руки и показала, как надевать памперсы — большой палец держать вот так, липучку открыть так. Анна смотрела на них и думала: свекровь учит его быть отцом. Через две недели.

Анна ее так и не поблагодарила. Лючии не скажешь «спасибо, что приехала», «не знаю, что я бы без тебя делала». Все слова звучали неправильно, их было слишком мало или слишком много. Они с Лючией вообще мало говорили. Их переводил друг другу Фабри — с одного молчания в другое. Без него они просто существовали по соседству: аккуратно, без столкновений, без близости. Завтра они снова будут рядом.

Чемодан не закрывался. Пришлось вытащить юбку и попробовать снова. Анна села сверху, и молния наконец-то сошлась. Замки защелкнулись. За дверью смолкла Кьяра. Значит, встала и скоро придет на кухню. Начнет инспектировать холодильник. Пора будить Луку.

Он сидел на краю кровати. Вырос за зиму — уже сравнялся с отцом. Плечи широкие, как у Фабри, сидит ссутулившись, локти упер в колени. Светлые волосы растрепались, темные отцовские брови сдвинуты на переносице. Процессор надел сам. Раньше это радовало. Теперь она замечала, что он делает это до ее прихода. Не хочет, чтобы она видела его без импланта.

Две недели назад Лука сказал, что звук справа изменился. Не хуже, просто другой. Она сразу позвонила в клинику. Их записали на ближайшее время. Фабри узнал вечером. «Что значит изменился?» — спросил он тогда. Не знаю. Он так сказал. Фабри кивнул и вернулся к ноутбуку.

Она успела посмотреть на тумбочку раньше, чем на сына. Индикатор зеленый. Он это заметил. Дернулся уголок рта. Темно-серые глаза — не ее, не Фабри — пристально разглядывали место, где стена встречалась с потолком. Ему пятнадцать. Он давно выучил, что она делает по утрам: дверь — тумбочка — индикатор. Он знал, что она смотрит. Она знала, что он выучил. Оба делали вид, что все нормально.

Лука и Кьяра заболели в один день. Температура, кашель — Анна дала парацетамол и оставила дома. На четвертый день Кьяра пошла на поправку, а Луке стало хуже. Снова поднялась температура, он все время спал. Анна уронила кастрюлю, Кьяра вскочила, Лука не пошевелился. Врач в больнице сказал: «Инфекция среднего уха», — выписал лекарства и отправил домой. Только улучшения так и не наступило. Когда Луку положили в больницу, он уже не слышал. В три года. Маленький, светловолосый, с этими серыми глазами, он смотрел на нее и не понимал, почему мама плачет.

Комиссии, страховые компании, листы ожидания. Фабри работал, мотался между Катанией и Неаполем, выезжал на Вулькано, потом снова конференции. Она не просила его остаться. Он не предлагал. Звонил вечером, спрашивал, как Лука. Она отвечала: «Нормально». Он говорил: «Молодец». Она отвечала «да» и опускала трубку. Утром шла к следующему врачу.

Она злилась, но где-то далеко. Специалисты говорили «подождем» и смотрели мимо. Она научилась не просить — формулировать, не жаловаться — требовать. Фабри этого не видел. Он вернулся, когда все было решено. «Я знал, что ты справишься». Она улыбнулась. Что еще можно было сказать.

После четвертого отказа из страховой — это было в феврале — снова заболела Кьяра. Температура не спадала двое суток, Анна не спала, когда позвонила Лючия. «Я знаю человека

в Палермо. Специалист по кохлеарным имплантам. Работал в Милане. Я записала вас на следующую пятницу». Анна сказала «да» раньше, чем смогла подумать.

Через два дня Лючия приехала сама. Без предупреждения. Позвонила в дверь, вошла, поставила сумку. Взяла у Анны Кьяру, унесла в детскую. Больше Анна ее в тот день не видела.

Она возила Луку в Палермо одна. С собой — небольшая сумка и папка документов, которые собирала три месяца. Тот врач дал нужное заключение, в котором отказали четыре предыдущих.

Лука на секунду задержался в дверях, мимоходом коснулся плеча и закрылся в ванной. Индикатор зарядки мигал зеленым. Три вспышки, четыре. Не забыть запасной кабель. Если сломается, Лючия знает, где достать. Она всегда знает. Анна закрыла дверь и пошла на кухню.

Из-под открытой дверцы холодильника торчали две ноги в подвернутых джинсах. Босые ступни на холодном полу, красный лак на одном ногте уже облупился. Холодильник закрылся. Кьяра постучала пальцем по губам — невысокая, тонкая, светлые волосы гладко собраны в хвост, светлые глаза Фабри, материнский нос и веснушки на скулах. На щеке еще красовался след от подушки.

— Ма, а Нино вегетарианец?

Анна пожала плечами:

— Откуда мне знать.

— Ну, ты же взрослая. Спроси у Витторио.

— Кьяра.

— Что.

Пауза.

— Ничего. Возьми серую сумку, там карман снаружи.

Анна и сама в пятнадцать лет точно так же вставляла имена в разговоры про еду. Ее мать делала вид, что не слышит. Анна слышала и не знала, как реагировать.

Кьяра отключила телефон от зарядки, повертела в руках.

— Мам, а бабушка знает, что мы едем на утреннем?

— Знает.

— Она будет встречать?

— Наверное.

— Ты ей звонила?

— Папа звонил.

Кьяра посмотрела на нее секунду.

— А нельзя было взять дневной? Нино говорит, он удобнее.

— Нино не едет с нами.

— Он будет на острове.

— Я знаю. И что?

— Ничего.

На лице Кьяры появилась кислая гримаса, она вышла. Проходя мимо комнаты брата, стукнула в дверь.

Лука на диване надевал носки.

— Спрошу? — мелькнули ее руки.

— Включен, — Лука ткнул в имплант. — Вопрос. Допрос. Ну?

— Очень остроумно, — фыркнула Кьяра, села рядом и прижалась к теплому боку брата.

— Давай, пока я добрый.

Кьяра опустила лицо:

— Как ты думаешь... я Нино нравлюсь?

Лука скривился:

— Опять он. У нас что, кроме Нино, людей не осталось?

- Я серьезно, — вспыхнула она. — Если не хочешь говорить, так и скажи.
— Хочу, не хочу... Просто смешно: днем Нино, вечером Нино, утром опять твой Нино.
— Не умничай, — отрезала Кьяра. — Я тебя нормально спрашиваю.
— Ладно, все, — он поднял руки. — Слушай сюда. Да, ты ему нравишься.
— С чего ты взял?
— С того. Когда он смотрит на тебя, у него лицо как у дурака.
Лука скорчил рожу.
— Ничего не... Ты специально.
— Кьяра, я глухой, не тупой, — он тяжело вздохнул.
— Ну да, конечно, эксперт по отношениям, — она слегка отодвинулась. — Не тупой он.

А сам-то вел себя, как идиот, когда...

- О-о, началось. Классика, — сквозь зубы процедил Лука.
— Забудь, ничего не надо.

Она попыталась встать.

- Сиди, — он удержал ее за руку. — Я идиот, ладно?

Она помедлила, потом снова прижалась к брату.

- Ну? — потребовала она.

— Ты ему нравишься. Сильно. Это раз. Если он тебя обидит, я ему морду набью. Это два.

- Лука! — она резко повернулась. — Даже не думай!

— Думаю, — упрямо сказал он.

— Прекрати сейчас же. Если ты полезешь в драку, опять что-нибудь случится. Забыл, как у тебя имплант сломался?

Лука коснулся устройства, буркнул:

- Остынь. Я аккуратно.

— Не бывает «аккуратно», когда ты дерешься, — отчеканила Кьяра. — Я не хочу, чтобы из-за меня кто-нибудь пострадал. Понял?

Он помолчал, глядя в пол.

- Понял, — глухо сказал он. — Но если он тебя обидит, я... поговорю с ним.

— Сначала поговори со мной, — выдохнула она. — Сначала я! И никаких драк!

Лука скривился, нехотя согласился:

- Ладно. Обещаю.

Анна осталась стоять посреди коридора. В пятнадцать лет она сама точно так же спрашивала про одно, имея в виду совсем другое. Тогда был Фабрицио, однокурсник брата. Загадочный, молчаливый, старше на пять лет, он приходил к ним домой и в упор ее не замечал. Она придумывала поводы оказаться рядом. Как бы между прочим спрашивала у брата, придет ли Фабрицио в воскресенье. Брат смотрел на нее с таким же лицом, с каким она сегодня смотрит на Кьяру. Из комнаты Луки донесся сдавленный смешок Кьяры. Анна потеряла висок и пошла в спальню. Чемоданы сами себя не соберут.

Аптека, покупка наушников, сурдолог — день прошел в постоянном движении. Лука всю дорогу в такси молчал и смотрел в окно. Город плавился. Воздух над капотами машин дрожал.

Фабрицио позвонил, когда она разбирала пакеты.

- Катер в семь сорок, я проверил. Выехать надо не позже пяти пятнадцати.

— Хорошо.

- Как дети?

— Нормально. Лука был у врача, все в порядке. Кьяра пакует вещи.

— Отлично. Я буду к половине седьмого, не раньше. Совещание.

В трубке слышались голоса, далекий смех.

- Фабри, я хотела...

Она сама не знала, зачем начала фразу. Не сейчас, не в трубку, не посреди его графиков.

— Да? — он ждал.

— Нет, ничего.

— Хорошо. До вечера.

Разъединился. Она смотрела на экран, пока он не погас. На острове будут Лючия, дети, его работа. Может, и хорошо, что не сказала. А потом подумала: нехорошо, Фабри должен знать.

Около трех звякнула посуда. Анна подняла голову: люстра едва заметно качнулась. Руки с футболкой замерли. Не повторилось. За последнюю неделю это третий или четвертый раз.

Этна, Стромболи, разломы под морем — на Сицилии земля не стоит на месте. Толчки привычны как жара в июне. Если не качаются стены, не падает штукатурка, значит, ничего и не было. Анна убрала футболку на полку и закрыла дверцу шкафа.

— Мам, ты слышала? — спросила Кьяра из своей комнаты.

— Да.

— Опять?

— Бывает. Собирайся.

День незаметно подошел к вечеру. Дети поели, разошлись по комнатам. Из-за дверей Луки доносились звуки выстрелов. Он опять играл в стрелялку. Кьяра болтала с кем-то. Анна вымыла посуду, проверила чемоданы — все сложено, все на месте. Налила воды, бросила лед в стакан. Вспомнила о нем, когда лед растаял.

В половине десятого Анна опустилась на диван. На минутку. Телевизор включился сам. Наверное, задела пульт. Голос за кадром говорил что-то про мрамор, храмы, улицы под пеплом. Анна закрыла глаза.

Она стояла на берегу. Вода была теплой и темной, почти черной. Из моря выступал длинный, изогнутый хребет. Он блестел, как мокрый базальт. Волны разбивались о камень, вверх взлетала белая пена. Анна знала, существо затаилось и не двигается. Лежит и ждет. Голос за кадром говорил: температура поднялась за секунды, люди не успели. Существо вздохнуло и начало подниматься. Анна посмотрела вниз. Она стояла на его спине, твердая кожа пульсировала и нагревалась. Бежать некуда: она забыла, где берег. Во сне рука легла на живот.

Дом встретил Фабрицио темнотой. Где-то тихо журчал телевизор. Он взглянул на часы: половина одиннадцатого. Светлые кроссовки поменьше валялись на проходе, рюкзак с подвеской-медвежонком бросили в угол, а скомканную куртку оставили на скамейке. Кьяра дома. Мокасины побольше аккуратно стояли на законном месте, черный рюкзак висел на крючке. Лука тоже дома. Ничего с этими близнецами не сделаешь. Он покачал головой и улыбнулся.

По дороге он заехал в пекарню на виа Азьяго. Бискотти — ее слабость с юности, он знал это еще до первого свидания. Тогда приходил к ее брату с карманами, набитыми печеньем, и она смягчалась раньше, чем успевала решить, стоит ли. Так и прилипло — Печенька. Прием старый, но рабочий.

Фабрицио нашел Анну в гостиной. Она дремала перед телевизором, подложив ладошку под щеку. На экране показывали античную колоннаду, мраморные фонтаны на перекрестках, тенистые галереи античного города. Фильмы об исторической реконструкции Анна любила. Голос за кадром говорил: «Смерть накрыла Геркуланум после полуночи. Пирокластический поток — адская смесь раскаленных газов и пепла — неслась со скоростью урагана. За секунды температура поднялась...».

Фабрицио выключил телевизор и задумался, то ли отнести ее в спальню, то ли не трогать. Он помнил, как просыпался по утрам и смотрел на нее спящую. В эти моменты Анна казалась такой юной, беззащитной. Она открыла глаза и молча смотрела на Фабрицио. Он опустился на пол перед ней:

— Прости, я опять опоздал.

Анна молчала.

— А я... печенье принес, — попытался ее задобрить Фабрицио.

Она слегка улыбнулась, прикрыла лицо руками.

— В чем я так сильно провинился, родная? Что еще я натворил?

Анна рассмеялась:

— Сумасшедший!

— Прости меня, Печенька, я есть хочу. Пойдем ужинать.

На кухне она поставила перед ним свежую пасту, салат и села напротив. Он быстро ел и рассказывал, как прошел день — о приборах, коллегах и бумагах. Анна рассеянно слушала, слова Фабрицио не задерживались в сознании.

— Ты ничего не ешь. Тебе нездоровится?

Анна вздрогнула и посмотрела на него.

— Нет, все хорошо.

Она поставила пасту, салат, села напротив и только переключив вилку с места на место. В ванной, когда он умывался, заметил на полке новую упаковку — что-то от тошноты. Решил не спрашивать. Она скажет сама, когда захочет.

Молчание Анны занимало всю комнату. Он научился это чувствовать. Сначала думал, что молчание означает согласие. Потом понял: нет. Просто она ждет чего-то, чего он не может угадать, а она не хочет назвать. Они так и ходили по кругу: он не угадывал, она не называла, оба делали вид, что все в порядке.

— Ты уверена?

— Устала просто. Завтра рано вставать.

Он кивнул. Вилка остановилась в воздухе. Он наконец-то понял, что не давало покоя весь день. На Липари участился микросейсм. Почти незаметно.

Глава 3

Весь июнь солнце безжалостно било по Эоловым островам. Раскаленный воздух дрожал над камнями Кастелло-ди-Липари. Казалось, туристам тридцатиградусная жара не мешала. Они бродили по крепости в поисках фона для селфи, слушали усталого гида. Мало кто из приехавших заходил в музей к истинным сокровищам острова.

Лючия с облегчением проскользнула в прохладу полутемного коридора служебного корпуса, поднялась по старой лестнице. Колени немилосердно ныли, голова от жары немного кружилась. На верхней площадке пришлось остановиться. Прав был Роберто: после шестидесяти нет той бодрости, что в сорок. Отдыхая, Лючия привычно делала вид, что засмотрелась на Тирренское море за окном. Матьер божья, кого она обманывает: стекла прячутся за жалюзи.

Внезапно мир закачался, коридор наполнила зеленая муть. Вязкая слюна отдавала металлом, к горлу подкатил ком. Звуки исчезли за жужжанием, словно мириады пчел кружились вокруг нее. Все пропало так же быстро, как появилось, лишь в голове осталась звенящая пустота.

«Это все жара», — упрямо повторяла Лючия. Головокружения бывали и раньше, но до этого июня они не беспокоили ее так сильно и так часто. Сначала раз в неделю, потом все чаще. Она перестала считать, сколько раз за последний месяц хваталась за стену или присаживалась на ближайшую скамью, дожидаясь, когда мир станет надежно твердым. Неделю назад впервые появились зеленая дымка и гудение. Лючия боялась, что как-нибудь потеряет сознание, и тогда...

Она плотно прикрыла за собой дверь кабинета и с облегчением опустилась в старое кресло. После нескольких часов работы в темной крипте болели глаза. Лючия пошарила в верхнем ящике стола в поисках глазных капель. Помогали они слабо, но других вариантов все равно не было.

О том, что под полом собора находится крипта, знали все жители Липари. Место, где расположен вход, тоже не скрывали до того момента, пока на остров не потянулись толпы туристов. Тогда архиепископ и дирекция музея решили закрыть подземную церковь для массового посещения, чтобы оградить от мародеров и вандалов.

Вздыхнув, Лючия придвинула коробку с бумагами Роберто. Личные блокноты, черновики, переписку она не трогала со дня его смерти. Слишком личное, слишком больно. А вот бумаги из геофизического института, которые Роберто всегда называл по аббревиатуре INGV, она уже разбирала когда-то для отчетности перед музеем. В коробке, скорее всего, лежали дубликаты: графики активности, карты с пометками расположения фумарол, таблицы содержания сернистых газов.

Но теперь нужен новый план исследования. Без записей не удастся разобраться, чем же его привлекала старая норманнская церковь под собором святого Варфоломея. Манускрипты и реликвии из нее давным-давно вынесли, в нишах пыль покрывала обрывки пергамента и осколки керамики. Проклятая крипта! В ней Роберто и нашли пять лет назад. Она покачала головой. Не время предаваться скорби, надо работать.

Бумага со следами кофе, склеенные скотчем карты острова и папка с пометкой красным маркером «Locus reticulosus: 2021», внутри хаос распечаток и нарисованных от руки схем. Потом Лючия вытащила стопку блокнотов. Скреплявшая их зеленая банковская резинка при первом прикосновении рассыпалась. Лючия отложила в сторону три старые флешки, знакомую пачку старых отчетов INGV.

Она погладила глянцевое фото семьи сына: серьезный семилетний Лука исподлобья смотрел в объектив, крепко держа за руку любимицу деда смеющуюся сестру-близнеца Кьяру.

На дне под черновиком статьи Лючия нашла толстый ежедневник. Коричневая кожа переплета потрескалась, плотные листы покоробились от влаги. На пожелтевших страницах переплетались схемы, эскизы и неразборчивые записи Роберто. В глаза бросались яростно подчеркнутые обрывки фраз.

За пару лет до смерти у него появилась навязчивая идея какого-то «дыхания Тифона» и связи крипты с вулканической активностью. Он что-то долго искал в подземелье и даже добился регулярных инспекций INGV. Впрочем, покойный муж всю жизнь увлекался идеей природных катаклизмов на Липари. Лючия старалась не погружаться в его бурные фантазии. Подземелье его угробило. Как говорили врачи, он умер от сердечного приступа в духоте.

В кармане ожил мобильный. Она взглянула на экран: номер незнакомый.

— Алло, я слушаю, — ее голос прозвучал неожиданно резко.

— Добрый день. Я разговариваю с синьорой Манчини? — мужчина говорил с римским акцентом.

— Да, это я.

— О, солнечный голос! Синьора Манчини, меня зовут Андреа Риккардини из «Антика Рома». Простите за внезапное вмешательство, но я совсем недавно узнал о вашей прекрасной коллекции. Надеюсь, вам звонил профессор Бьянкини.

— Моей коллекции? — Лючия вспомнила, что накануне действительно звонил приятель Роберто Джованни Бьянкини, но содержание разговора испарилось из головы. — Извините, да-да, он предупреждал.

— Я хотел бы узнать, коллекция негативов все еще у вас?

— Да.

— Простите, я понимаю, звучит немного странно. Но это настоящие жемчужины — старинные снимки Тифонов на вазах и мозаиках. Мне доктор Бьянкини показал несколько фото. Такое совпадение, на днях ко мне обратился коллекционер из Ватикана. Он готов выложить за 147 пластин шестьдесят пять тысяч евро. Это очень хорошая цена, поверьте. Вы не будете возражать, если я приеду и осмотрю их? Если, конечно, это вам удобно. Что скажете, синьора?

— Видите ли, синьор Риккардини... Я правильно вас называю?

— Да, да.

— Я не понимаю, к чему нам так спешить. Коллекция — это семейная реликвия. И кто ваш клиент?

— Видите ли, синьора, я не могу открыть его имя, если мы не собираемся заключить сделку.

— Наследник коллекции мой сын Фабрицио, он и должен решать. Могу предложить вам перезвонить мне через несколько дней. Я поговорю с сыном. Если он согласится обсуждать вопрос о продаже, я дам вам его номер. Думаю, он запросит цену за штуку.

— Конечно, синьора. Могу добавить, что цена зависит от степени сохранности негативов. Я обязательно перезвоню. Буду ждать.

— Мы обдумаем ваше предложение. Хорошего дня!

Лючия нажала кнопку и через ткань блузки привычно коснулась обручального кольца Роберто на длинном кожаном шнурке.

Стеклянные пластины были тайной страстью Роберто. Первый негатив он нашел на блошином рынке в Палермо задолго до их знакомства. Лючия улыбнулась. Роберто смешно рассказывал, как едва не наступил на коробку полупьяного продавца у ограды парка и купил за бесценок все старинные негативы. На одном из них и было изображение Тифона.

Он привозил из разных городов изображения огромного мужчины со змеиными хвостами вместо ног, и коллекция медленно разрасталась. Позже Лючия протестовала против «прибавления семейства»: деревянные ящики занимали много места в кладовой, а негативы портились от неправильного обращения. Ей так и не удалось уговорить Роберто перенести кол-

лекцию в архив музея. Тот кричал ей в ответ, что это его библиотека. Так и было, Роберто едва ли не каждый день рассматривал то один, то другой негатив. Все пять лет после ухода мужа Люцию мутило от одной мысли, что придется притронуться к ящикам с хрупким стеклом.

Да, шестьдесят пять тысяч — сумма солидная, и лишней она для Фабрицио не будет. Прости, Роберто! Во рту растеклась горечь: мерзко, что после смерти его страсть превратилась в финансовый актив.

К трем часам Лючия закончила сортировать содержимое коробки. На столе перед ней аккуратно лежали стопка блокнотов, пачка разномастных бумажек с записями, склеенные карты, несколько папок с документами. Сломанные карандаши и высохшие ручки она отправила в мусорную корзину, флешки спрятала в ящике стола. Придется взять домой кожаный блокнот. Когда она убирала его в сумку, между страниц показался старый конверт. Лючия машинально засунула его поглубже, подхватила ключи от машины и вышла в коридор.

Лючия толкнула стеклянную дверь и шагнула в жаркую печь Виа Кастелло. Раскаленное солнце по-прежнему висело над островом.

— Лючия! Лючия! — ее догнал директор музея Сальваторе Кассаро. — Мадонна, какой сегодня зной!

Он заглянул ей в лицо, взял под руку:

— Хочу тебя спросить, миа кара, как ты все это переносишь?

Лючия пожала плечами. Они поспешили укрыться в тени прохода под стрельчатými арками. Кругленький Сальваторе отдышался, вытер лысину платком и продолжил:

— Дорогая, у меня есть идея, тебе она понравится. Я думаю, что нам удастся запросить дополнительное финансирование для работы в крипте. Сколько ее можно держать под замком?! Это прекрасное место для выставок или временных экспозиций. Конечно, если закончить исследование Роберто.

— Думаю, ты прав, — после небольшой паузы согласилась Лючия.

— Бумагу я уже подготовил, но... Кариссима, мне, нет, нам нужна твоя помощь.

— Сальво, ты же знаешь, что я не могу тебе отказать, если только это в моих силах.

— Уф, — облегченно выдохнул директор, — не могла бы ты попросить одного человека поддержать проект? Паоло Кавальери — ты его знаешь?

Лючия вспомнила, как последний раз они встречались в Палермо. Она отвезла ему английское переиздание монографии Роберто. «Моему наставнику и верному другу Паоло Кавальери», — седой профессор прочитал короткое посвящение, снял очки и медленно их протер. Когда стекла в золотой оправе вернулись на место, он поднял на Люцию грустные серо-голубые глаза: «Спасибо, Лючия. Роберто... Спасибо».

— Если бы ты только могла написать доктору Кавальери и объяснить, почему это так важно, попросить его поддержать нас. Миа кара, на эти деньги мы могли бы привлечь вашу старую команду и ничего не пропустить в крипте.

— Конечно, я сегодня же позвоню Паоло. Извини, мне пора ехать за Витторио.

— Как он?

— Вроде бы неплохо, но разве разберешь? Он все скрывает, старый греховодник.

— Я видел, как его дочь и внучка садились на паром. Витторио остался один?

— Нет, Нино приехал из Неаполя присмотреть за дедом. По-моему, они целые дни проводят в магазине. Витто сегодня куда-то отослал его и попросил меня забрать из госпиталя.

— Что-то случилось?

— Нет, сказал, что это плановая проверка.

— Передавай ему привет.

Лючия собралась уходить, но директор ее остановил:

— Подожди, я еще хотел сказать... — он замялся, начал дергать завязки папки с документами в руках.

— Неужели приходской совет собрался забрать свои коробки из крипты?
Сальваторе печально качнул головой:

— Нет, но...

— Сальво, все сроки прошли. Они же просили на пару недель после Пасхи. А прошло сколько? Месяц? И все время они говорят «подождите, подождите». Вода в бутылках, ей ничего не будет. Сальво, но там продукты, лекарства. И сырость. Ящики уже плесневеют. Нельзя хранить картонные коробки в крипте. Я сто раз тебе говорила. И потом, они просто мешают. Пусть их забирают!

— Я знаю, знаю, — директор попытался ее утихомирить. — Слушай, ну давай разберемся спокойно. Туристов там не бывает. Вы начнете работать в лучшем случае недели через три, так? Лючия нехотя кивнула.

— И потом, куда их вообще перенести? Не в музей же. Ты и сама знаешь, в приходе подвал затопило. Они просили оставить еще на месяц... Да и совет настоял, чтобы они находились именно в крипте. Дай им время, пожалуйста.

Она смотрела на Сальваторе со спокойным недоверием:

— Ты же понимаешь, Сальво, что это неправильно — хранить гуманитарную помощь Caritas в неподходящих условиях рядом с артефактами и раскопками. А если приедет проверка, а?

Директор грустно усмехнулся.

— Кому мы тут нужны, на краю света. Да всем наплевать на запасы Caritas, а сыро в этой крипте или нет. Ну пожалуйста, на пару недель, — он молитвенно сложил руки, едва не уронив папку.

Увы, это была правда.

— Если приходской совет через два месяца не заберет эти проклятые ящики, то я сам их запихну им в офис, — продолжил директор.

— Сальво, ты сказал месяц! Если они не заберут... — Лючия уже понимала, что услышит.

Прерывая ее, директор попытался развести руками, снова едва не уронил папку:

— Два, Лючия, два. Они не заберут. Отец Лоренцо сказал, — Сальваторе скорчил постную физиономию и возвел глаза к небу, как это обычно делал приходской священник, — если Бог захочет. А он, видимо, хочет, чтобы все это портилось поближе к могиле святого Варфоломея.

Она невольно улыбнулась, так похоже вышло на священника.

— Знаешь, я потребую у них гигрометр для крипты. Хорошо?

— Нормальный, не сломанный, как в прошлый раз, — сдалась она.

Сальваторе смотрел вслед Лючии — для него она навсегда осталась синьорой Коста, хотя весь остров знал ее как жену Манчини. Его напугало, как она сегодня выглядела. Они познакомились двадцать лет назад, когда Сальваторе впервые приехал на Липари. Тогда начальником экспедиции был ее муж, Роберто Манчини. Ни разу он не видел ее бледной, слабой или вялой.

Осанка Лючии не раз обманывала окружающих. Невысокая и хрупкая, она всегда держала спину так, как умеют балерины или королевы. Живое и постоянно меняющееся выражение лица скрывало возраст. Да, на первый взгляд синьоре Коста не дать больше пятидесяти пяти, несмотря на обильную седину в волосах. Сегодня, когда она разговаривала с ним, Сальваторе впервые заметил, как углубились морщины на лице, но серо-зеленые глаза по-прежнему ясные. Похоже, что Лючии вот-вот стукнет семьдесят.

Время неумолимо, он тоже не молодеет. Уже пять лет нет с ними Роберто. Однажды Сальваторе не выдержал и спросил, почему она не уезжает. «Как я могу оставить Роберто здесь одного?» — тихо ответила она. Больше на эту тему он не заговаривал. Интересно, как долго

она еще будет жить на Липари? Когда она устанет от одиночества и вернется в Катанию к сыну и внукам?

Старенький Фиат на парковке нагрелся, как печь для пиццы. Лючия включила двигатель и спряталась в тень, пока кондиционер пытался хоть немного охладить сиденья. Если бы не просьба Витто, она сегодня не вывела бы машину.

Витто. Витторио Руссо. Одногодки, они с Роберто росли вместе. В январе Руссо исполнилось семьдесят три. Беспокойный, он не мог усидеть на месте, словно у него внутри работал ядерный реактор. Как же троюродные братья были похожи!

После второго инфаркта Витторио ослабел. Раньше он пешком добрался бы до дома, а сейчас ему нужна машина. Но командовать он не научился, до истерики доводил дочь и внучку. Иногда Лючия дословно слышала, как за стеной Витто кричал на своих женщин.

За три года, как умерла Тереза, жена Витторио, дом превратился в холодный офис: исчезли кружева, многочисленные фигурки Мадонны, затихли голоса и смех. Витто как-то поник, выцвел, словно у него отняли часть души.

Две женщины Руссо — Клаудиа и Елена — редко покидали Липари, но несколько дней назад они уехали на свадьбу родственников, а Карло к отцу не приехал. Когда же он был на Липари? Наверное, последний раз Лючия его видела на похоронах матери. И в этот раз, когда Витто нужна помощь, он прислал шестнадцатилетнего Нино. Да, конечно, что-то нехорошо в семействе Руссо, но разве спросишь.

Ее беспокоил приезд мальчика. Похоже, что дед решил срочно научить внука торговать в магазине и наблюдать за гостиницей, хотя сам Нино неоднократно повторял, что хочет проектировать здания, как его отец Карло. Ну почему старый упрямец не видит, как хорошо идут дела у Клаудии и Элены. Последние полгода они полностью управляли и домом, и магазином Bottega di Lipari, и небольшой гостиницей Casa Russo. Вот настоящие наследницы, а он все время хочет отодвинуть их и «посадить на трон» правильного наследника-мужчину. Нет, навряд ли из этого выйдет что-либо путное. Увы, это уже не осень, а зима патриарха.

Лючия видела Витторио почти каждый день. Как обычно, он расхаживал по двору, опираясь на трость, кормил своих котов. И все же что-то в его движениях изменилось. Плановая проверка, утром сказал ей Витто. Беспокоиться не о чем, просто очередной осмотр.

Стоянку заливало солнце, ни крошечного пятнышка тени. Воздух над асфальтом раскалился, и в его мареве причудливо изгибались апельсиновые деревья за оградой. Часы показали 15:38, когда Лючия открыла дверцу. Внезапно накатила дурнота, жужжание оглушало, скрутило живот. Дрогнул асфальт, словно тяжелый грузовик пронесся на полной скорости мимо нее. И мир снова успокоился. На табло по-прежнему светились цифры «15:38». Где-то в порту просигналил катер из Милаццо. На соседней улице громко переговаривались женщины. В госпитале ждал Витторио. За прошедший день это был второй толчок. Надо поинтересоваться у Фабрицио, что же все-таки происходит.

Впереди показались ворота госпиталя, в которые въезжала машина скорой помощи. В больничном холле Витторио уже ждал Лючию.

— Витто, привет! Извини, задержалась.

Седовласый синьор Руссо галантно предложил Лючии руку и завел все ту же старую песню:

— Лючия, уходя, Роберто просил приглядывать за тобой. Мне будет проще, если ты наконец-то выйдешь за меня замуж.

— Витто, а если твой Нино и наша Кьяра решат пожениться? Ты же знаешь, как они нравятся друг другу. Давай не будем мешать молодым и останемся друзьями, хорошо?

— Ох, с тобой не поспоришь, Лючия.

Жили они по соседству, и предложения руки и сердца Витторио делал постоянно.

— Витто, как все прошло?

Старший Руссо, как обычно, не хотел признаваться, что возраст берет свое:

— Молодой Матео уехал, вместо него прислали Симону. Женщина, что она может сказать? Меньше волноваться. Пить лекарства. Следить за сахаром. И не курить. А я и курю-то всего одну-две сигареты в день. Эта молодежь ничего не знает!

«Молодой» Матео вышел на пенсию и уехал к сыну, на замену прислали женщину лет тридцати пяти. Лючия у нее была, Симона произвела на нее впечатление знающего и внимательного врача.

Лючия искоса посмотрела на соседа и родственника. За десять последних лет он не изменился: темный загар на тщательно выбритых щеках, глубокие морщины, пристальный взгляд прищуренных карих глаз. Только волосы полностью поседел. «Старый упрямец скорее умрет, чем скажет, что у него что-то болит», — думала она, пропуская мимо ушей разглагольствования приятеля.

— Лючия, пожалуйста, отвези меня к лавке. Не хочу оставлять мальчика на целый день одного. И, знаешь, у меня к тебе будет просьба, — в машине из его голоса исчезла игривость.

— Конечно, все, что смогу, — Лючия, глядя на дорогу, не заметила, как застыло лицо Витторио.

— Когда я уйду, помоги Нино.

— Что?

— Помоги Нино, когда меня не станет.

Лючия резко затормозила и взмахнула руками.

— Витторио, я не ослышалась?

— Давай вечером поговорим, — он был спокоен и собран.

Лючия почти бежала по тенистому центральному проходу маленького кладбища. Жара пригибала, блузка липла к спине, но сильнее давило другое: «Старый осел! Да как так можно! Что с тобой, Витторио? С каких пор ты говоришь о смерти?».

В городе никого не удивляли ежедневные визиты на кладбище, одиночество. Лючия давно стала частью пейзажа, а после смерти Роберто она превратилась в почтенную вдову, что разговаривает с камнем на могиле.

— Роберто, представь, что Витторио заявил! — Лючия разложила старый складной стул и села напротив фотографии мужа на плите. — Он собирается умереть! Сегодня так и заявил: «Когда я уйду, помоги Нино». Вот так взял и сказал! Слышишь? Он собирается уходить, а сам по-прежнему на каждую юбку заглядывается.

Она долго, обстоятельно докладывала о звонке антиквара, планах музея, предстоящей работе, словно хотела засыпать деталями слова Витторио. Потом она поднялась, сложила и спрятала стул, прощаясь, провела рукой по фотографии и вернулась к машине, на мгновение почти успокоившись.

Слова старшего Руссо не шли из головы. Витторио никогда не жаловался. Даже после второго инфаркта благоразумнее себя вести он не стал. По крайней мере, на словах он был все тем же Тигром, как его называла покойная Тереза. Лючия то и дело вспоминала «когда я уйду», и становилось непривычно холодно и тяжело.

Два часа спустя Лючия чистила рыбу. Она положила крупную дораду в мойку и взяла нож, как когда-то ее научил Роберто. Чешуя была такой же скользкой, как в их первый совместный вечер.

Тогда он положил руку поверх ее руки и, повернув лезвие тупой стороной, начал двигать коротко и резко. «Смотри, так лучше», — снова услышала Лючия. Серебряные пластинки липли к запястью. Послышался короткий смешок, когда чешуя попала на щеку. Нож остановился. Она подумала, что тот вечер в тишине был важнее всех находок и достижений. Увы, его не упрятать в консервную банку, как рыбу.

Лючия повернула тушку и повторила все сначала, затем быстро ее ополоснула, пробежалась пальцами по спинке и брюшку, где часто остаются шершавые островки. Она снова вспомнила, как Роберто говорил, что рыба и археология не терпят небрежности.

Она срезала плавники, вычистила брюшко, а перед глазами стояло сосредоточенное лицо молодого Роберто. Она здесь, на том же месте, а его больше нет. Можно рассказать ему о Витторио, о звонке антиквара — обо всем, кроме одного. Ей некому признаться, как она скучает, нет, не по нему, а по ним — той паре, которой они были.

Из-за стены Лючия слышала голос Нино и кашель Витторио. Тот наверняка курил на кухне. При Терезе он этого не делал.

Она протерла деревянную столешницу, поставила одну тарелку, положила одну вилку. Подумала и вместо вина налила стакан воды, огляделась. Зелень, нарезанные помидоры, немного сыра — по привычке для двоих. Она сняла рыбу со сковороды, протерла ее бумагой и оставила на плите остывать. Звонко рассмеялся Нино. Соседи через улицу включили вечернюю музыкальную передачу. Еще один вечер.

Около одиннадцати запищал мобильный.

— Мама?

— Фабрицио, вы завтра будете? Я тебя давно не слышала.

— Да. Извини. На Этне был целую неделю, потом отчеты. Завтра днем будем у тебя. Но... у меня есть работа на Липари.

— Проверка?

— Да. Обычная инспекция плюс запрос. Готовят площадку под застройку, просят оценить риск. Работы немного, — он ненадолго замолчал. — Анна с детьми немного побудут без меня. Ты... ты же не против?

— Ты же знаешь, можешь делать все, что необходимо. Дом твой, живите, сколько хотите.

Лючия слышала, как рядом с сыном разговаривают люди, проезжают машины. Вокруг Фабрицио шумела и жила Катания.

— Спасибо. Паром завтра в семь сорок.

— Хорошо. Комнаты уже вас ждут.

— Как у тебя дела? Ты себя хорошо чувствуешь?

— Без перемен. Был один звонок... — она замаялась. — Антиквар из Рима. Сослался на Джованни Бьянкини, тот действительно со мной недавно разговаривал. Некто Андреа Риккардини. Интересуется папиной коллекцией. Предлагает хорошую цену. Предложение серьезное, если ты...

— Поговори с Анной, она разберется. Все детали — с ней.

— Фабрицио... — она хотела напомнить, что хозяин все-таки он, а не невестка.

— Поговори лучше с Анной. Ты же знаешь, она все согласует. Если что-то нужно привезти, тоже скажи ей.

В трубке зашуршало. Издалека донесся голос Фабрицио:

— Анна, это мама. Возьми трубку, пожалуйста.

— Лючия? Привет, это я, Анна.

Голос невестки показался Лючии преувеличенно бодрым.

— Здравствуй, Анна. Вы уже собрались?

— Да, я все сложила.

Лючия услышала легкий смешок.

— Все как всегда: дети заняты своими делами, я укладываю наши вещи. Фабрицио в очередной раз клянется, что возьмет только ноутбук и небольшой рюкзак. Я уже заскочила в супермаркет, но все равно мне кажется, чего-то не хватает.

— На машине из Катании, потом паромом из Милаццо... Вы устанете, — тихо сказала Лючия.

— Дети счастливы, что едут к морю и бабушке, так что как-нибудь переживем, — снова засмеялась Анна. — Я вот что подумала... Скажите, что купить и привезти, чтобы... чтобы лишний раз вам ничего не таскать.

Лючия ответила не сразу.

— У меня все есть.

Слова прошелестели едва слышно.

— Я понимаю, — быстро сказала Анна, — но все равно... Например, вода... Большие бутылки трудно нести. Мы купим, Фабрицио и Лука легко их поставят, куда вы скажете. Бытовая химия, не знаю, масло, крупы... У вас все дороже, чем в Катании или Милаццо. Мы можем сразу все взять в гипермаркете по дороге. И вам не придется думать о таких мелочах.

— Не беспокойтесь, — голос Лючии стал почти бесцветным, полупрозрачным, — у меня все есть. Нам хватит.

— Ну я же все равно что-нибудь привезу, — Анна уговаривала ее, как маленького ребенка. — Воду, средство для посуды, наверное, у вас оно уже заканчивается... Кастрюли... Я помню ваши старые кастрюли...

Анна осеклась. В прошлый раз она почувствовала ярость Лючии, когда попыталась заменить ее кухонную посуду.

— В смысле, вы ими так давно пользуетесь...

Лючия ровным голосом произнесла:

— Эти кастрюли служили моей свекрови и еще послужат.

— Конечно, конечно, — быстро согласилась Анна. — Просто мне нетрудно. И мне хочется, чтобы вам было легче...

— Я привыкла, — резко оборвала ее Лючия. — Я рада, что вы приедете все вместе.

— Мы тоже, — голос Анны смягчился. — Давайте сделаем так: вы ничего не просите, а я куплю то, что считаю нужным. А на месте посмотрим, что куда поставить.

— Посмотрим, — процедила Лючия. Последний подарок невестки — рожковая кофеварка — уже полгода пылился в кладовке между тостером и новой формой для выпечки. — Спасибо и до завтра.

— До завтра. Если что-то вспомните, напишите, хорошо? Обнимаем... — Анна запнулась. — До встречи.

Лючия вытерла посуду, налила еще воды в стакан. В порту давно просигналил последний паром. Из окна она смотрела на огни ночного Липари. В ушах снова зашумело, дрогнул пол. Открылась дверца посудного шкафа. Лючия очнулась от звука бьющегося стекла: стакан разбился вдребезги о каменные плитки пола.

Через улицу она слышала, как симпатичная дикторша вечерних новостей прочитала: «Национальный институт геофизики и вулканологии сообщает, что сегодня в районе острова Липари сейсмографы зарегистрировали два подземных толчка. Эпицентр располагался на глубине 8 километров у западного побережья острова. Первый толчок магнитудой 2,9 сейсмостанция зафиксировала в 13:17. Второй, интенсивностью 3,6, произошел всего через несколько часов — в 15:38. Жертв и разрушений нет. Ученые прогнозируют высокую вероятность более мощных толчков в ближайшее время».

Слегка сутулясь, Нино шел по вечерним улицам. Город был таким же, как вчера или позавчера. Сиреневые сумраки медленно густели, заполняя улицы. Зажглись желтые огни в окнах кафе, потом в домах. Вспыхнула цепочка фонарей на набережной, прожектор подсветил Кастелло. Прогудев, ушел в Милаццо последний паром. Улицы освободились от туристов. Липари превратился в маленький островок, который жил своей жизнью независимо от того, смотрели на него гости со всей Европы или нет. Нино знал этот порядок наизусть.

Среднего роста, крепкий юноша с широкими плечами, фамильным квадратным подбородком и крупным носом с горбинкой — он был копией молодого Витторио. Вот только волосы

у Нино были черные, а не седые, как у деда. Он то и дело их ерошил, и жесткие завитки торчали во все стороны.

Вчера дед продержал его до вечера в лавке, а сегодня Нино всю вторую половину дня проторчал в гостинице. Юноше казалось, его водят по кругу.

«Присмотри за прилавком. Может, что-нибудь поймешь», — сказал дед. А что там особого: туристы выбирают оливковое масло, платят деньги и уходят?

«Пойди, посмотри, кто приезжает». Ну, он долго сидел на потертом скрипящем стуле у стойки регистрации, наблюдал, как люди подписывают документы. Что он должен был увидеть — молодые пары, пожилых немцев, семьи с детьми? Какой в этом смысл?

Или позавчера на складе. «Сходи с Марко, помоги разгрузить и проверь, что пришло». Нино весь день выгружал ящики с маслом и вялеными помидорами, банками с анчоусами. Несколько часов он сверял товары с записями в инвентарной книге, а дед стоял рядом и наблюдал.

И так каждый день — товары, люди, деньги, комнаты, склады. Нино не понимал, что ему хочет показать дед. Какая может быть логика в ежедневном хаосе?

Белые потрепанные кроссовки шлепали по нагретым камням улицы. Нино еще сильнее ссутулился, нахмурился. Темные глаза не видели ни домов, ни людей. Он пытался начертить схему, проводил линии между складом, гостиницей, лавкой, но по-прежнему не видел логики. Это бесило: видеть и не понимать. Пустая трата времени!

Нино засунул руки в карманы. Ему нравилась ясность: алгоритмы, схемы, формулы. Он что, бесплатный разнорабочий? Почему дед не скажет прямо, чего хочет? Иногда Нино еле сдерживался, чтобы не нагрубить: «Сделай сам, если тебе нужно». Сразу становилось стыдно. И страшно. Деда нельзя оставить одного — в опустевшем доме, в лавке, в гостинице, в этом Липари. Вот завтра дед скажет: «Сходи глянь», и Нино наденет кроссовки и пойдет. Ради деда. Он не злой. Просто старый, упрямый и одинокий.

Так Нино и брел домой, ссутулившись, то и дело запуская руку в растрепанные волосы, не замечая голосов в тех же кафе, тех же лодок у причала и вечного запаха жареной рыбы из окон. Липари был таким же, как вчера. Как позавчера. Каким будет завтра.

Без тети Клаудии и кузины Элены дом затих. Тонкий халат, баночки в ванной ждали своих хозяек. Скорее бы они вернулись с этой дурацкой свадьбы кузена Чиччо. Дед снова промолчит, когда Нино предложит разогреть рагу или фриттату, потому что разогревать еду — это не готовить.

Последний раз его отец Карло Руссо приезжал на Липари хоронить бабушку Терезу. Может, отец боится вернуться, боится услышать от деда: «Ты посмотрел на море и выбрал землю, сын. Но земля не твоя»? Нино представил деда — внешне безучастного, только рука ищет в кармане то ли сигареты, то ли лекарство.

Когда-то Нино думал, что его отец просто трус — не приезжает, потому что не хочет посмотреть в глаза деду. Но однажды он увидел старую фотографию в альбоме и понял, отец не трус, он давно стал другим человеком и не может исполнить желание деда. Магнитик на холодильнике до сих пор прижимал записку тети Клаудии «Вернемся в понедельник». Для отца это место давно перестало быть домом. Нино не знал, как это исправить. Да и вообще — надо ли? Если бы бабушка была жива...

Нино слышал, как на кухне дед открыл и закрыл холодильник. Наверное, посмотрел на оставленные Клаудией контейнеры.

— Нино, ты пришел. Меко заходил, принес сардины. Помой руки, будем готовить пасту. Как делала Тереза.

В коридоре Нино вздохнул. Готовка, посуда, часы у плиты. Но дед один, и у Нино выбора нет.

Он забрал у деда большую кастрюлю, наполнил водой и поставил на огонь.

— Соли больше, Нино. Паста должна плавать в море, — дед следил за каждым движением. Вода закипела.

— Где фенхель? — спросил Витторио.

— Забыл, — смутился Нино.

Дед молча встал, взял с подоконника фенхель и положил перед Нино.

— Паста без фенхеля как дом без окон, так Тереза говорила. Королевская трава, — заметил дед.

Остро пахло анисом, луком, оливковым маслом и рыбой — всегда одним и тем же. Наверное, в этом доме все стены пропитались этим запахом.

Сидя за столом, дед наблюдал за внуком:

— Это лучшее масло. Чеснок не передержи.

Нино покорно кивнул. Он не понимал, чем масло из их лавки лучше того, что мама покупает в Неаполе. А дед считал иначе.

— Шафран, — сказал дед.

Нино взял чашку с замоченными лепестками, вода в ней была ярко-желтая. Он вылил ее на сковороду. Дед молча наблюдал. Нино не мог представить, что в этот момент Витторио в нем видел себя, а рядом молодую Терезу на этой кухне. Только тогда она распоряжалась, а он готовил.

Нино положил пасту в тарелку и поставил перед дедом.

— Где фенхель? — строго спросил дед, не притронувшись к еде.

Нино подвинул нарезанную зелень. Не говоря ни слова, дед посыпал ею пасту, попробовал, немного посидел с закрытыми глазами, кивнул и начал есть. Нино смотрел на него и думал: это повторится завтра. И послезавтра. Паста в понедельник, рагу во вторник, фриттата в среду. Всегда одно и то же.

Дед молча отодвинул тарелку, встал и отошел к окну. За окном окончательно стемнело. Соседи в доме напротив переключали каналы: обрывки фильма, лотерея, музыка и столичные новости. Политика, скандал в Риме, экономика. И так из вечера в вечер. Никому не было дела до Липари.

Чиркнула зажигалка. Дед курил когда хотел, где хотел. Тетя Клаудиа еще могла с ним бороться, но ее не было. Дым поднялся к потолку, запах сигарет смешался с фенхелем и оливковым маслом.

И тогда Нино спросил:

— Дед, как ты женился на бабушке?

Витторио замер, сигарета дрожала между пальцами.

— Как вы встретились, дед?

Витторио невидяще смотрел в стекло. Столбик пепла упал на подоконник. Он аккуратно смахнул его в пепельницу.

— Встретил ее в Палермо. Красное платье. Умная. Не красавица.

Витторио снова замолчал, наконец выдохнул струю дыма.

— Я знал, обычная жена мне не подойдет.

Нино ждал.

— Я пришел к ее отцу. Не с кольцом. С бумагой и словом. Сказал: твоя дочь будет не просто женой. Она будет хранить ключи — от дома, от складов. Без меня ее слово — закон для моих людей. Не красивая, но умная и честная. Это нужно мне.

Витторио затаился.

— Сорок три года вместе. Потом она умерла. И только тогда я понял — это была не покорность...

Дым поднимался к потолку, потрескивал табак.

Витторио казалось, это было вчера — красное пятно в толпе, огромная люстра над головой, отблески света на гладком мраморе пола. В бокале — сухое белое, которое он даже не допил. И где-то между голосами, смехом, музыкой — оно, красное платье. Изящная шея, тонкие пальцы на бокале, не высокая и не маленькая. Почти не говорит, слегка наклонив голову на бок, слушает. Взгляд внимательный, острый, как лезвие. Тогда он убеждал себя, что выбирает ее умом, без глупостей. Только много лет спустя он понял, что это любовь с первого взгляда, но было поздно.

Узкая улица старого Палермо. Камень под ногами еще теплый. Над головой веревки между домами, белье, полоска неба. Тереза немного впереди. Ее тетка рассказывает про двоюродную кузину и неудачный брак. Все пространство заполняет голос Терезы — спокойный, мягкий, тихий. Слова тетки он помнит, а фразу Терезы нет.

Стол Доменико, ее отца, старые тяжелые кресла с потертыми кожаными сидениями. Фотографии на серых стенах. Его собственные бумаги на столе: цифры, подписи, логотип банка. Запах застарелого табака и чернил. Доменико читает, морщится. Гудки машин, крики торговцев за окном. Тяжелое дыхание. Скрип пера по бумаге. Доменико согласен на брак.

Кричит Луиджи, бывший жених Терезы. Красное лицо, обида. Чьи-то слова «скандал», «позор», «договорились же». Неважно. Все это — шум вокруг. В центре — она. Стоит прямо, уверенно. Смотрит на Луиджи и говорит, что свадьбы не будет. Одно предложение — тяжелое, твердое.

Связка ключей у нее на ладони. Движение пальцев, они звенят. Ключ от дома. От склада с мукой. От склада с цементом. От комнаты с документами. Солнечный свет, пыль в воздухе, запах моря. У двери шумят двое рыбаков. Она, такая хрупкая, выходит к ним. Через пять минут они, убежденные Терезой, уходят.

Вечер. Стол. Лист бумаги, колонки цифр. Его почерк — резкий, угловатый. Слева калькулятор, справа пепельница. Он курит. Ее рука поворачивает лист. Она зачеркивает одну строку, вписывает другую. Цифры сходятся. Он смотрит на чернильное пятно на подушечке ее большого пальца, и чувствует, как накатывает спокойствие: все под контролем, пока она с ним.

Терраса. Ветер с моря. Она стоит, держится рукой за спинку стула, смотрит вперед на лодки и волны. Он кладет руку ей на плечо. Оно теплое, живое. Она не оборачивается, чуть наклоняет голову и нежно прикасается щекой к его руке. Никаких слов. Это и есть дом.

Резкий больничный свет. Белые стены, запах антисептика, тень от капельницы на стене. Он держит ее за руку. Кожа полупрозрачная, тонкая и сухая. Косточки тоненькие, хрупкие. Голоса врачей за дверью — приглушенные, чужие. Она смотрит на него так же, как в палатку: прямо, без жалости к себе. Губы чуть шевелятся, но слов он не помнит. Ни просьбы, ни страха.

Тишина. Тот же дом. Тот же стол, те же стулья, пепельница, соседний дом в окне. Ее связка ключей на стене. Аккуратная стопка складских книг, как складывала она. Каждый раз, когда он открывает одну из них, ищет ее почерк. Хотя бы пару слов, пару букв. Ему не нужны другие женщины. Все, что было о женщинах, закончилось с ней.

Он снова вспоминал Палермо: красное платье в переполненном зале, музыка, звон бокалов. В темном стекле Витторио видел не отражение Нино, а себя самого тогдашнего. И ее за плечом.

Внизу хлопнула дверца машины, залаяла собака, с моря потянуло сыростью. За окном — ночной Липари, но Терезы нет.

— Кто она? — не оборачиваясь, спросил Витторио.

Дед заметил, как смутился мальчик, когда увидел Кьяру. Она приезжала со своей семьей к Лючии на Пасху. Нет, на Рождество. Когда Нино вошел в комнату, Кьяра подняла голову. Просто услышала его шаги, и ее лицо осветилось. Уж он-то знает, как это бывает. Так на него смотрела Тереза, когда думала, что он ее не видит. А Нино остановился и покраснел. На пару секунд. Наверное, никто и не заметил. А потом мальчик прошел мимо нее, как ни в чем не

бывало. Неловко так прошел. А Кьяра спрятала глаза, но руки суетились — поправляли ска-терть, перекладывали вилку. Знак, ясный как день.

Мальчик не понимает еще. Думает, что никто не видит. Что это секрет. Витторио слегка усмехнулся собственному отражению в стекле. Весь прошлый приезд младших Манчини Нино старался не смотреть на Кьяру, но постоянно косился, краснел. Наверное, ждет ее приезда на Липари. Не спрашивает. Гордый. Да, у внука первая любовь. Надо бы помочь, пока все не испортил своим молчанием.

Кровь прилила к лицу Нино. Ну почему он всегда краснеет, когда думает о ней? А дед смотрел таким понимающим взглядом, как будто видел его насквозь. Как ему сказать? По спине деда Нино понимал, что тот ждал ответа. Лучше уж признаться.

— Это Кьяра, — голос сорвался.

Витторио кивнул отражению Нино в стекле:

— Я знаю.

И в этих двух словах — все. Дед знал ее имя. Дед видел, как Нино на нее смотрел. И это ужаснее, чем если бы он рассмеялся. Потому что Витторио не смеется. Витторио просто знает.

— Ей пятнадцать, дед, — сказал Нино.

— И?

— Она живет в Катании, а я в Неаполе. Я... — Нино запнулся. — Это глупо.

— Почему глупо?

Нино замолчал. Как сказать деду, потому что она далеко. Потому что они встречаются случайно, на пару дней или часов. Потому что, когда она смотрит на него, он забывает, как дышать и вообще кто он такой.

— Потому что я не знаю, что я должен сказать ей, — наконец признался Нино.

Витторио медленно повернулся:

— А тебе не нужно придумывать правильные слова.

Дед пошел к лестнице, остановился:

— Да, забыл сказать. Они приедут завтра.

Даже в полутьме кухни было видно, как смутился Нино. Он понимал, что больше ему не укрыться от зоркого взгляда деда. Даже попытки выглядеть спокойным обречены на провал. А потом стало неожиданно легко и просто.

Дед медленно поднимался по лестнице, где-то на середине обернулся:

— Когда ее завтра увидишь... а ты ее увидишь — не беги, не прячься, не делай вид, что ничего нет. Просто будь самим собой — со своим страхом, со своей неуверенностью. Быть мужчиной значит быть настоящим и не прятаться.

Он поднялся и уже на верхней площадке сказал:

— Эй, парень, эти кроссовки... я знаю, ты в них пойдешь. Но хотя бы не беги. Ходи в них, как в туфлях — медленно, уверенно, как мужчина, пришедший к женщине.

Нино не мог уснуть. Часы показали два часа ночи, потом три, а он все крутился в кровати, сбивая простыни.

Завтра она будет здесь. Что он ей скажет? Как к ней вообще подойти? Что ему делать? Дед сказал, что он должен быть самим собой. И у него всего одна ночь, чтобы решиться.

Дед был прав: она ждала. Нино помнил, как она смотрела, как двигались ее руки. А вдруг он ошибается? От волнения сердце колотилось, как бешеное. Дед сказал не бежать. Это не про кроссовки, хотя, конечно, он наденет новые, а не те старые, в которых работает. Не бежать. Стоять и что-то говорить, как бы страшно ни было.

Он боялся, что завтра покраснеет и не сможет выдать из себя ни слова. Но дед сказал, что быть мужчиной не означает не бояться. У него есть ночь, чтобы подготовиться. Нужно придумать, что ей сказать. Чтобы она улыбнулась, как в тот раз.

Он не заметил, как задремал. Во сне дед говорил ему: «Мальчик, у тебя еще есть время решить, будешь ли ты смотреть из окна, когда она придет, или выйдешь ей навстречу, как мужчина».

Лючия чувствовала запах сигареты Витторио. Соседка по телефону обсуждала с кем-то цены на рынке. С моря дул привычный прохладный ветерок, и Лючия подставила ему разгоряченное лицо. На столе лежал кожаный ежедневник Роберто. Днем она прочитала несколько первых страниц и закрыла его. Страницы пожелтели, покособились. От сырости некоторые записи поплыли, но при небольшом усилии их можно прочитать. На страницах чередовались четкие колонки слов и цифры с торопливыми завитушками скорописи.

Лючия взглянула на фотографию покойного мужа. На ней ему лет сорок пять. Лицо небритое, хмурое, волосы растрепанные, любимый растянутый свитер и поднятые на лоб очки — таким она помнила Роберто на полевых работах. Она быстро опустила глаза и продолжила читать.

«15 сентября, четверг. Слой 2. XIII-XIV век. Толщина 22 см. Фрагмент красной керамики. Квадрат F-3». Дальше он подробно описал осколок, где и как его нашли. Непонятно, что так привлекло внимание Роберто.

Ниже следовала скоропись: «16 сент. Юго-зап. Провал? Проход?». Дальше запись размыло, но сохранилась схема крипты и ее юго-западного угла. Тремя стрелками Роберто обозначил место, где находился вход в соседнее помещение. Буквально накануне она спускалась в крипту, но ни провала, ни следов прохода в юго-западном углу не было. Только стена и груда камней после старого обрушения.

«28 окт., пнд. В северной части материковая скала (неразборчиво) 2,3 метра. Расчитать... хаос...»

Схемы, таблицы с характеристиками слоев. Несколько раз встречались перечеркнутые слова «Крипта убежище???».

Всю следующую страницу занимала четкая запись: «Л. найти в архиве...» с перечнем вопросов. Так Роберто готовил задания для нее. Лючия прекрасно помнила, что нашла в местных хрониках лишь обрывки сведений. Муж потом неделю с ней не разговаривал, словно это она уничтожила необходимые ему записи.

Снова схемы, эскизы, неразборчивые надписи. Кое-где Роберто клейкой лентой прикрепил обрывки бумаги с распечатанными на принтере фотографиями фрагмента стены или ярко освещенного раскопа. Слишком много информации, чтобы систематизировать ее после первого просмотра.

Лючия перевернула страницу, из ежедневника высунулся уголок конверта. Скорее всего это приглашение на очередной конгресс или конференцию, куда Роберто не хотел ехать. Плотная белая бумага отвлекала от пожелтевших страниц, казалась лишней на столе. Она раскрыла ежедневник в том месте, где пряталось письмо.

Конверт оказался не белым, а кремовым. Она и сама не раз получала такие уведомления с Виллы дель Казале. Все правильно: в левом верхнем углу их логотип и... Странно, адрес получателя написан от руки. Марка помялась. На жирном штампе отделения Пьяцца Армерина стояла дата «14 августа 2009 года». Разве стоило столько лет хранить приглашение?

Под клапаном скрывался обычный лист бумаги, исписанный аккуратным женским почерком. Ни логотипа, ни стандартного текста приглашения. «Мой дорогой Роберто!». Что это? Она перечитала еще раз, «Мой дорогой Роберто!» — ничего не изменилось. «О Боже», — Лючия закрыла глаза, потом открыла и перечитала в третий раз. Письмо по-прежнему начиналось: «Мой дорогой Роберто!». Может, почта ошиблась, и оно предназначалось другому Роберто, но на конверте стоял их адрес. Она посмотрела на подпись. «С любовью, Джованна».

Роберто Манчини, сукин ты сын!

В темноте едва слышно звучала музыка из кафе на берегу, смеялась женщина.

Лючия спустилась на кухню, попыталась налить стакан. Руки дрожали, вода расплескалась. Пришлось сначала протереть столешницу, а уж потом медленно пить воду. Сколько времени это продолжалось? Они знакомы? Кто эта женщина? Джованна... При ней Роберто никогда не произносил этого имени. Проклятый лжец! Мадонна, он даже в обмане был так умен и осторожен! Вода не помогла, горло мучительно сжималось.

Лючия вернулась в кабинет, села и решительно взяла в руки письмо.

«Мой дорогой Роберто!

Я много раз пыталась с тобой поговорить о том, что я чувствую.

Ты был единственным человеком, с которым я ощущала себя живой. Когда ты был рядом, все остальное исчезало. Я ждала четырнадцать лет, но больше...»

Джованна аккуратно зачеркнула «не могу» и продолжила: «я не хочу по-настоящему жить только в те редкие дни, когда ты приезжаешь. Я не виню ни тебя, ни ее. Ты никогда ее не оставишь, не выберешь меня. Четырнадцати лет достаточно, чтобы понять, как я устала тебя ждать. Я не могу больше жить в этой лжи. Мы любили друг друга не так сильно, чтобы изменить порядок вещей. Спасибо, что ты был моим. Правда, спасибо. И прощай. С любовью, Джованна.

Р. S. Вчера я видела вас в Катании. Ты смотрел на нее и улыбался так, как никогда не делал со мной. Я ухожу. Не ищи меня.

Р. Р. S. В крипте плохая вентиляция. Не оставайся там надолго».

Трясущимися руками Лючия положила письмо перед собой. Четырнадцать лет... Все эти поездки якобы на срочные консультации в Катанию, Виллу дель Казале, эти внезапные лекции в Палермо, рабочая корреспонденция, которую он ей не показывал. Теперь понятно, почему он почти не ездил в Пьяцца Армерина после 2009 года.

«О Боже! Ну конечно же, конечно...» — Лючия горько усмехнулась. Кому улыбался небритый Роберто на фотографии? Идиотка.

Она попыталась сложить письмо и убрать в конверт. Получилось не сразу. Потом она долго сидела без мыслей, с ощущением пустоты. Резко прозвонил телефон за стеной, и Лючия очнулась.

Четырнадцать лет... Это продолжалось целых четырнадцать лет. Она еще раз взглянула на штемпель. 2009 год. Она помнила ту весну, когда половину времени проводила в Катании с Анной и близнецами. Злости не было, только пустота. Перед глазами промелькнуло, как Роберто резко отодвигает чашку, и кофе заливает ее журнал и заметки.

Нет, надо вернуться к крипте. Она важнее старых обид. Лючия открыла ежедневник на первой странице, перелистнула лист, потом второй. Она читала и не понимала ни слова. Тогда она вернулась к тому месту, где лежало письмо.

Снова крипта, замеры, слои. Она перелистнула несколько страниц вперед. Снова раскопки, фрагменты, описания. Тогда Лючия вернулась к записям перед письмом. Подземелье собора ее больше не интересовало, она искала имя Джованны и нашла.

Даже скорописью Роберто писал ровно. Буквы можно не разобрать, но строчки оставались идеальными, как по линейке. Здесь же слова прыгали, напоздали одно на другое. И вместе с тем это был его почерк. С трудом Лючия разобрала:

«12 марта. Дж., Энна. Почему? Я не спаситель. С ней я каюсь тем, кем хочу быть. Даже сам верю. Сколько будет продолжаться? Она не должна уйти. Это только мое решение. Не ее», — ручка прорвала бумагу. От последней фразы Лючия зажмурилась: «Она не должна украсть финал!!».

И через несколько страниц снова яростно вымаранные строки и единственная целая фраза: «Она не могла!». Потом Лючия тщетно пыталась вспомнить настоящее лицо Роберто — не то, которое смотрело с фотографии. «Она не могла, не могла, не могла...», — эхом отдавалось в голове.

Джованна не была единственной? Или... Лючия замерла. Или она вообще не знала своего мужа? Ох... Она его действительно не знала.

Лючия все быстрее пробежала глазами по записям. Расчеты, столбики цифр и слов, будто Роберто готовил отчет. А потом — таблица.

Разведка, проба, расчистка, исследование... Коды F1, F2... Даты, глубины и названия городов — Палермо, Катания, Энна. Лючия едва не ушла дальше, если бы не F-6. Беатриче? Она нахмурилась. Беатриче. За кодом должно следовать «монета» или «керамика», но женское имя... Зачем оно в таблице? Лючия вернулась к началу.

F-1, F-2, F-3... Палермо, 2009–2018. Липари, 2014. Катания, 2016–2017. Что это за даты? Она задумалась. Роберто не работал в Катании, а она вот же — в очередной строке. Рядом с кодами стояли женские имена. В одном месте уточнение «студентка». Зачем? Сердце ухнуло. Это не находки. Это женщины. Он вел учет женщин.

Воздуха не хватало. Лючия подошла к окну и подставила горящие щеки ветру. Город засыпал. На соседней улице гавкнула собака. Лючия решительно вернулась к таблице.

Объект F1. Марчелла, Палермо. Совещания, случайные обеды, вечер за отчетом. Расчистка заняла у него несколько месяцев. Он выстраивал прикрытия, «дела» для регулярных поездок. Он даже зафиксировал постоянные дни недели. У Лючии в горле пересохло: это длилось девять лет. Марчелла знала все о его привычках, болезнях. Наверняка у него были свои вещи в ее квартире — бритва, зубная щетка, одежда. В графе «Анализ» Роберто записал, что не готов уйти к этой женщине от Лючии. Потом началась стадия консервации, когда встречи были реже. В столбце «архивация» Роберто записал «июнь 2018 года».

Объект F2. Элоиза. Сиракузы, 2014 год. Несколько месяцев нечастых обжигающих встреч, потом ее вопросы о будущем и нетерпение. Роберто записал «нестабильность объекта» и резко прекратил отношения.

Студентка Беатриче, аспирантка Клаудиа, коллега Лаура, Розанна, Франческа, Валентина... Горло онемело.

Она помнила Валентину — сотрудницу информационного центра в музее, которая одно лето проработала на Липари. Лючия уехала к Анне, а Роберто... Он встречался с Валентиной все лето, даже когда Лючия была дома. В «анализе» он записал: «Слишком близко».

Девять строк. Все по одной схеме. Разведка, проба, расчистка... Как будто он собирал охотничьи трофеи по собственной системе. Лючия пробежала глазами по датам: Марчелла, 2009–2018; Элоиза, 2014; Лаура, 2013–2015. Даты пересекались. Он встречался с несколькими женщинами одновременно.

Он взвешивал, рассчитывал, составлял графики. Мадонна, это был его главный проект — раз он годами вел записи так скрупулезно. Столько же внимания, как к раскопкам. Нет, даже больше. Лючия с трудом разжала побелевшие пальцы, ежедневник остался на столе. На сегодня хватит.

На ватных ногах она с трудом спустилась на первый этаж, открыла кухонный шкаф и достала бутылку граппы — ту, что Роберто привез из Палермо за два года до смерти. «Подарок от коллег», — сказал он тогда. Они так ее и не открыли, все откладывали на «особый случай». С хрустом она сорвала крышку, щедро налила в стакан и залпом опрокинула. Граппа обожгла горло, огнем разлилась в желудке. Боль в груди не утихла. Она наливала еще и еще, вслух повторяя женские имен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.